

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЛАНДШАФТ	3
Космическое и микрокосм	5
Группа высоких культур	27
Отношения между культурами	64
Глава II. ГОРОДА И НАРОДЫ	103
Душа города	105
Народы, расы, языки	136
Пранароды, культурные народы, «феллахи»	194
Глава III. ПРОБЛЕМЫ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ	231
Исторические псевдоморфозы	233
Магическая душа	288
Пифагор, Мухаммед, Кромвель	327
Глава IV. ГОСУДАРСТВО	407
Проблема сословий: аристократия и духовенство	409
Государство и история	453
Философия политики	556
Глава V. МИР ФОРМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ..	595
Деньги	597
Машина	637
ПРИМЕЧАНИЯ	651
Указатель имен	683

ГЛАВА I
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ЛАНДШАФТ

КОСМИЧЕСКОЕ И МИКРОКОСМ

1*

Взгляните на цветы вечером, когда они закрываются один за другим на закате солнца. Вас охватывает какое-то жуткое чувство, таинственный страх перед этим слепым, полусонным, прикованным к земле существованием. Безмолвный лес, молчащие луга, неподвижные кусты и ветви. Лишь ветер играет ими. Маленький же комар свободен, он танцует в предзакатных лучах, он летит куда захочет.

Растение само по себе ничего из себя не представляет. Оно лишь часть того ландшафта, где волею случая пустило свои корни. Сумеречная прохлада и закрытие цветов — это не причина и следствие, не решение, принятое в условиях опасности, а единое явление природы, которое совершается вокруг растений, вместе с ними и в самих растениях. Им не предоставлена свобода ожидания, воления или выбора.

Животное же способно выбирать. Оно независимо от всего остального мира. Туча комаров, колышущаяся у дороги, одинокая птица, летящая в сумерках, лиса, подкрадывающаяся к гнезду, — все это маленькие миры для себя внутри другого, большего мира. Инфузория, не видимая человеческому глазу, существование которой в капельке воды длится всего секунду, в пространстве, занимающем крохотный уголок этой маленькой капли, свободна и независима от всей остальной Вселенной, а вот громадный дуб, на листе которого висит эта капля, — несвободен.

Зависимость и свобода — это самое глубокое и решающее различие между растительным и животным существованием. Ведь только растение в полной мере является тем, что оно есть. В сущности же животного есть нечто двойственное.

* Все излагаемые ниже темы я позаимствовал в сокращенном виде из своей книги по метафизике, которую вскоре надеюсь предложить вниманию читателей.

Растение — это всего лишь растение, а животное — это растение и еще нечто кроме того. Стадо, трусливо сбивающееся в кучу в случае опасности, плачущий ребенок, прильнувший к матери, отчаявшийся человек, пытающийся найти утешение в Боге и слиться с ним, — все они хотят выйти из свободного существования и вернуться в зависимое, растительное, покинув которое они стали одинокими.

В семени растения под микроскопом можно разглядеть два зародышевых листка, которые формируют и защищают пробивающийся к свету росток с его органами циркуляции веществ и продолжения рода, а также третий, представляющий собой росток корня, в котором заложена непреклонная судьба растения быть частью ландшафта. У более развитых животных мы наблюдаем, как оплодотворенная яйцеклетка уже в первые часы высвобождающего себя существования образует внешний зародышевый листок, который охватывает средние и внутренние зародышевые структуры, являющиеся основой для будущих органов кровообращения и размножения, то есть для растительного элемента в теле животного, отделяется от материнского тела и тем самым от всего остального мира. Внешний зародышевый листок — это символ собственно животного существования. Он выступает критерием различия обоих видов живых существ, возникших в ходе развития истории Земли.

Для этого существуют прекрасные древние понятия: растение — это нечто космическое, а животное представляет собой еще и микрокосм по отношению к некоему макрокосму. Только посредством того, что живое существо таким образом обособляет себя от мира и может определить в нем свое место, оно становится микрокосмом. Даже планеты движутся по предопределенным им орбитам, и только эти маленькие миры движутся независимо от большого, которое они осознают как свою среду обитания. Лишь таким образом предмет, являющий собой световое пятно в пространстве, становится для нашего глаза телом. Что-то мешает нам приписать понятие тела также и растению.

Все космическое несет в себе приметы периодичности. В нем есть некий ритм. Все микрокосмическое обладает полярностью. Слово «против» выражает всю его сущность. Ему свойственна напряженность. Мы говорим о напря-

женном внимании, о напряженной работе мысли, да и любые проявления бодрствования по своей сути — это напряжение. Чувства и предметы, Я и Ты, причина и следствие, вещь и свойство — всему этому свойственны разделение и напряженность, а там, где проявляется так называемая разрядка, возникает усталость микрокосмической составляющей жизни, завершающаяся сном. Спящий и избавившийся от напряженности человек ведет всего лишь растительное существование.

Однако в понятие космического ритма входит и все то, что может быть описано понятиями направления, времени, судьбы, влечения к чему-либо, начиная от стука копыт упряжки породистых лошадей и грохочущей поступи воодушевленных воинов до молчаливого взаимопонимания двух влюбленных, прочувствованного такта светского общества и взгляда знатока людей, который ранее был описан мною как физиогномический такт.

Этот ритм космического круговорота присутствует в любой свободе микрокосмических движений в пространстве и превращает порой напряженность всех бодрствующих особей в единую большую чувственную гармонию. Те, кто наблюдал когда-либо полет птичьей стаи, которая разом вздымается в воздух, поворачивает как единое целое и исчезает вдали, могут почувствовать нечто растительно-надежное в этом едином движении, то, что «мы» и «все это» внутри всеохватывающего движения не нуждается в мостике понимания между Я и Ты. В этом состоит смысл воинственных и любовных танцев животных и людей. Так полк, идущий в атаку под вражеским огнем, становится вдруг единым целым. Так толпа, возбужденная каким-то событием, сливается вдруг в один организм, действующий и мыслящий непредсказуемо, слепо и загадочно, а затем внезапно снова распадающийся. Здесь исчезают микрокосмические границы. Толпа неистовствует и угрожает, напирает и отступает, несется, извивается и насадет. Руки и ноги сплетаются, единый крик раздается изо всех ртов, над всеми довлеет одна судьба. Из суммы маленьких отдельных миров внезапно возникает нечто целостное.

Осознание космического ритма мы называем чувствованием, а микрокосмической напряженности — ощущени-

ем. Двусмысленное слово «чувственность» затемняет ясное различие вообще растительной и исключительно животной составляющих жизни. Если для одной из них применять понятие «половая жизнь», а для другой — «чувственная жизнь», то между ними возникает глубокая взаимосвязь. Одна несет постоянные приметы периодичности, ритма в гармонии с великим круговоротом светил, связи женской природы с Луной, жизни в целом с ночью, весной, теплом. Другая состоит из напряжений между светом и освещаемым предметом, познаваемым и познанным, болью и причинившим ее оружием. И то и другое в более развитых видах преобразовалось в особые органы. Чем совершеннее они развиты, тем более явно говорят о значении обеих сторон жизни. В нас есть два органа космического существования: органы кровообращения и размножения, а также два отличных от них органа микрокосмической подвижности: органы чувств и нервы. Остается предположить, что первоначально все тело представляло собой орган циркуляции веществ и одновременно осязания.

Кровь представляется нам символом жизни. Она беспрерывно обращается в теле с момента зачатия до смерти, переходя из тела матери в тело ребенка, в состоянии бодрствования и сна, никогда не останавливаясь. Кровь предков протекает сквозь череду поколений и объединяет их в цепь судьбы, ритма и времени. Первоначально это происходило только путем беспрерывного деления кругообращения веществ, пока в конце концов не возник особый орган полового размножения, который сделал одно мгновение символом длительности. То, как происходит зачатие у этих существ, как растительная составляющая в них побуждает к продолжению рода, к продолжению вечного круговорота, за пределами их самих, как биение одного сердца оказывает притягательное, влекущее и уничтожающее влияние на далекие души, составляет самую глубокую из всех жизненных тайн, которую пытались проникнуть все религиозные мистерии и великие поэтические творения и трагичность которой Гете затронул в стихотворении «Блаженное томление» и в «Избирательном сродстве», где должен умереть ребенок, потому что он оказался одновременно вырванным из уз крови и втянутым посредством космической вины в существование.

В микрокосме, который в отличие от макрокосма свободно передвигается, появляется особый отличительный орган — «чувство», которое первоначально представляет собой лишь осязание. То, что даже сегодня, находясь на высокой ступени развития, мы обобщенно называем «ощупыванием»: глазом, органом слуха, разумением — является простым обозначением для проявления подвижности существа, которому непрерывно требуется определять свое отношение к окружающей среде или свое местоположение. Все органы чувств, как бы развиты они ни были и как бы ни отчуждены были от своего происхождения, являются всего лишь органами определения местоположения и ничем иным. Ощущение любого рода различает свое и чужое, а для того, чтобы определить местоположение чужого по отношению к своему, нюх собаки служит так же хорошо, как слух косули или зрение орла. Цвет, яркость, оттенки, запахи да и все возможные виды ощущения в принципе имеют значение промежутка, отдаления, протяжения.

Первоначально, как и космический круговорот крови, различные виды деятельности органов чувств представляют собой единство. Чувствующий орган одновременно является понимающим органом. В этих условиях «искать» и «находить» означает одно и то же. Именно это мы и называем ощупыванием, осязанием. Лишь позднее, когда к развитым органам чувств начинают предъявляться более высокие требования, ощущение перестает быть идентичным пониманию ощущения и постепенно понимание все более отделяется от простого ощущения. Во внешнем зародышевом листке, а последний очень скоро дифференцируется на строго разделенные органы чувств, подобно тому как орган размножения отделяется от органа кровообращения, орган критического ощущения отделяется от органов чувств. Насколько определенно мы считаем всякое понимание производным от ощущения и насколько похоже оба эти начала взаимодействуют у человека в его различных видах деятельности, свидетельствуют такие выражения, как острый ум, тонкое чутье, холодный взгляд, оценка фактов, не говоря уже о таких проявлениях логики, как понятие и умозаключение, целиком происходящих из мира зрения.

Мы можем наблюдать, как собака, которая только что была рассеянной, вдруг начинает напряженно прислушиваться и принюхиваться: к простому ощущению добавляется понимание. Но собака может размышлять. В этом случае задействовано практически одно только понимание, которое и имеет дело с очень неясными ощущениями. На ранних ступенях развития языков очень ясно выражена эта градация — каждая новая степень четко выделена как определенного рода деятельность и обозначается отдельным понятием: слышать — слушать — прислушиваться; чуют — нюхать — вынюхивать; смотреть — высматривать — наблюдать. В каждом из этих рядов последующее слово отличается от предыдущего большей степенью понимания по отношению к ощущению.

В конце концов развивается высший по отношению к остальным орган чувств. Что-то во Вселенной, что никогда не будет доступно нашему пониманию, создает орган тела — глаз, и в глазу, вместе с ним, как ему полярное — свет. Пусть абстрактное мышление продолжает выводить понятие света из света и создавать мысленный образ волны и лучей, однако в реальности начиная с этого момента жизнь превращается в мир света, отраженный глазом. Это чудо, равного которому человечеству неизвестно. Лишь в мире зрения существуют дали, такие как краски и яркости, лишь в нем есть день и ночь, зримые вещи и зримые движения в необъятном пространстве света, мир бесконечно далеких звезд, кружащих над землей, как и световой горизонт отдельно взятой жизни, превосходящий границы тела. Лишь в этом мире света, который любая наука «теоретически» истолковывает только через опосредованные внутренние зрительные представления, возможно такое, что на маленькой планете Земля блуждают толпы человеческих зрячих существ, что все развитие человеческой жизни может зависеть от того, что над египетской и мексиканской культурами светило яркое солнце южных стран, а над северными странами света не хватало. Для своего глаза человек создает архитектуру и таким образом превращает телесное осязание композиции в рожденные светом отношения. Религия, искусство, мышление возникли для света, и все различия сводятся лишь к тому, обращены ли они к физическому глазу или к «глазам души».

Таким образом, во всей полноте проявляется различие, которое постоянно находится под угрозой затушевывания то сознанием, то неясным словом. Я говорю о различии между существованием и бодрствованием¹. Существование имеет ритм и направление, бодрствование представляет собой напряжение и протяженность. В сфере существования правит судьба, а в сфере бодрствования — причины и следствия. Для одного свойственны исконные вопросы «когда» и «почему», для другого — «где» и «как».

Растение влачит существование без бодрствования. Во сне все существа становятся растениями: затухает напряженность по отношению к окружающему миру, а ритм жизни продолжается. Растение знает только «когда» и «почему». Прорастание первых зеленых побегов через застывшую землю, набухание почек, царство цветения, запахов, красок, созревания — все это стремление к реализации судьбы и постоянный настойчивый вопрос «когда».

Вопрос «где» не имеет смысла для растительного существования. Это вопрос, с помощью которого пробуждающийся человек постоянно размышляет о мире. Ведь лишь пульс существования продолжается во всех поколениях. Бодрствование же начинается для каждого микрокосма с самого начала. В этом разница между зачатием и рождением. Одно служит гарантом продолжения, другое является началом. Поэтому растение зачинается, но не рождается. Оно живет, но в его жизни нет пробуждения, нет первого дня, который открывает чувственный мир.

2

Таким образом, мы подходим к человеку. В его чувственном бодрствовании ничто не препятствует безраздельному царствованию глаза. Все звуки ночи, ветер, дыхание животных, запах цветов вызывают только вопросы «куда» и «откуда» в этом мире света. О мире обоняния, где только ближайший спутник человека — собака — может упорядочить свои зрительные ощущения, мы не имеем никакого понятия. Мы ничего не знаем о мире бабочки, чей кристаллический глаз не создает изображения, о мире наделенных чувствами, но безглазых животных. Нам осталась только сфера зрения. А остатки других сфер органов чувств: звуков, запа-

хов, тепла и холода — находят в ней место лишь как «свойства» и «следствия» видимых вещей. Тепло исходит от видимого огня; увиденная роза издает аромат, мы говорим о звуках скрипки. Что касается звезд, то наше осмысленное отношение к ним ограничивается тем, что мы их видим. Они светятся и летят по своим орбитам над нашей головой. У животных и примитивных людей они без сомнения вызывают еще и отчетливые ощущения совсем другого рода, которые мы частично можем понять посредством научных представлений, а частично не понимаем вообще.

Это обеднение чувственного одновременно означает его неизмеримую глубину. Человеческое бодрствование — это уже не просто напряженность между телом и окружающим миром. Оно отныне означает жизнь в замкнутом мире света. Тело движется в зримом пространстве. Переживание глубины проявляется в могущественном проникновении в обозримые дали из центра этого мира света. Это тот пункт, который мы называем Я. Я — это световое понятие. Начиная с этого момента жизнь Я — это жизнь в лучах солнца, а ночь становится родственной смерти. И отсюда возникает новое чувство страха, вбирающее в себя все остальные: страх перед невидимым, перед тем, что можно услышать, почувствовать, предугадать, воздействия чего можно увидеть, не видя его самого. У животных другие, непонятные для человека формы страха, так как даже страх перед тишиной, которую дикари и дети пытаются прекратить и отогнать шумом и криком, исчезает у более высоко развитых людей. Страх перед невидимым характеризует своеобразие всей человеческой религиозности. Божество — это окруженные предчувствием, представленные, зримые световые действительности. «Невидимый» Бог — это высшее выражение человеческой трансценденции. «Тот свет» находится там, где пролегают границы мира света. Избавление — это освобождение от чар света и его реалий.

Невыразимое очарование, которое оказывает на человека музыка, и ее поистине избавительная сила основываются на том, что это единственный вид искусства, средства которого находятся вне пределов мира света, давно уже ставшего для нас равнозначным миру вообще. Таким образом, только музыка может как бы вывести нас из мира,

сломать стальные оковы владычества света и навеять на нас сладкое заблуждение, будто мы прикоснулись к последней тайне души. Заблуждение, основанное на том, что над бодрствующим человеком настолько довлеет один-единственный из его органов чувств, что он из впечатлений своего слуха не может уже создать особого мира слуха, а только включает его в мир своего зрения.

Поэтому человеческое мышление — это мышление глаза, все наши понятия выводятся из зрения, а вся логика — это воображаемый мир света.

Такое сужение чувств и одновременно их углубление, подчиняющее все ощущения зрению, заменило разнообразные и известные еще у животных виды общения посредством органов чувств, которые мы объединяем словом «язык», на словесный язык. Он служит мостом понимания через световое пространство между двумя людьми, которые в процессе разговора видят или мысленно представляют себе друг друга с помощью внутреннего зрения. Другие виды говорения, остатки которых еще сохранились, такие как мимика, жесты, интонация, давно вошли в словесный язык. Разница между вообще звуковым языком животных и чисто человеческим словесным языком состоит в том, что слова и словосочетания вызывают целый мир внутренних световых представлений, который развился, подчиняясь глазу. Каждое значение слова имеет световое значение, даже если речь идет о таких словах, как мелодия, вкус, холод, или о совсем абстрактных обозначениях.

Уже у более развитых животных вследствие привычки взаимопонимания посредством языка чувств возникает явное различие между простым ощущением и понимающим ощущением. Обозначим эти два вида микрокосмической деятельности как впечатления чувств и суждение чувств, то есть, например, суждение обоняния, вкуса, слуха. У муравьев, пчел, хищных птиц, лошадей и собак центр тяжести очень часто смещается к суждению как составляющей бодрствования, но лишь под влиянием словесного языка внутри активного бодрствования явственно проявляется открытое противоречие между ощущением и пониманием, то есть такое напряжение, которое совершенно немислимо у животных и, как можно предположить, первоначально

редко проявлялось даже у людей. Развитие словесного языка приводит к принципиально новому явлению — эмансипации понимания по отношению к ощущениям.

На место целостного понимающего ощущения все чаще и чаще заступает понимание значения практически недоступных вниманию чувственных впечатлений. В конце концов эти впечатления вытесняются значениями привычных звуков слов, полученных в процессе ощущения. Слово, бывшее первоначально именем видимой вещи, незаметно становится знаком помысленной вещи, «понятия». Мы очень далеки от строгого понимания смысла слова — такое случается, только когда мы встречаемся с совершенно новыми словами. Мы никогда не употребляем дважды одно и то же слово в том же самом значении. Никто никогда не понимает то или иное слово точно так же, как другой человек. И все же взаимопонимание возможно благодаря тому, что у людей, разговаривающих на одном языке, вырабатывается вместе и средствами словоупотребления одинаковое мировоззрение, в среде которого они существуют, таким образом, что достаточно одного только звучания слов, чтобы вызвать у них родственные представления. Посредством звуков речи возникает отвлеченное от видения, абстрактное понимание, которое, как бы редко оно ни встречалось на ранних стадиях развития человека, все же проводит четкую границу между общим животным и дополнительным специфически человеческим способом бодрствования. Совершенно так же на еще более ранней стадии развития бодрствование установило границу между общим растительным и специфически животным существованием.

Отвлеченное от ощущений понимание называется мышлением. Мышление навсегда внесло двойственность в человеческое бодрствование. Оно с самого начала дало оценку разуму как высшей, а чувственности как низшей способности души. Оно создало роковое противоречие между световым миром зрения, который считается миром иллюзий и обмана чувств, и буквально представимым миром, в котором понятия существуют, имея лишь слабую, хотя и никогда не исчезающую связь со зрением. Для человека, который «мыслит», это истинный мир, мир в себе. Поначалу Я было идентично бодрствованию вообще, по-

скольку оно ощущало себя, обладая зрением, центром мира света. Теперь же в этом качестве воспринимает себя «дух», то есть чистое понимание, которое «познает» себя самое, принижая значение не только чужого мира вокруг себя, но и всех остальных элементов жизни, в том числе и тела. Признаком этого является не только прямохождение человека, но и формирование одухотворенных черт лица, среди которых взгляд, форма лба и висков все больше становятся носителями выражения*.

Все очевиднее, что ставшее самостоятельным мышление находит себе новое занятие. К практическому мышлению, направленному на изучение структуры световых вещей с точки зрения той или иной конкретной цели, примешивается теоретическое, созерцательное размышление, пытающееся исследовать устройство этих вещей в себе. От увиденного отделяют свет. В ходе грандиознейшего развития важнейшие переживания глаза достигают глубочайших переживаний значений слов, несущих отпечаток света. Возникает впечатление, что можно проникнуть в действительные вещи, увидеть их насквозь внутренним взглядом. Представления нагромождаются на представления, и в конце концов возникает великолепная мысленная архитектура, постройки которой как бы совершенно отчетливо освещаются внутренним светом.

С появлением теоретического мышления в человеческом бодрствовании возник род деятельности, который сделал неизбежной борьбу между существованием и бодрствованием. В животном микрокосме, где существование и бодрствование объединены в само собой разумеющееся единство жизни, бодрствование находится на службе существования. Животное просто «живет», оно не задумывается о жизни. Безусловное господство глаза заставляет рассматривать жизнь как жизнь видимого существа в мире света, а связанное с языком понимание порождает понятие мышления и противоположное ему понятие жизни и в конце концов противопоставляет жизнь, такую, как она есть, жизни, какой она должна быть. Вместо беззаботной

* Именно поэтому мы невольно или сознательно замечаем животные черты в лице человека, который не имеет привычки к мышлению.

жизни появляется противоречие мысли и действия. И эта возможность, которая не дана животному, превращается у каждого человека в факт, а в конечном итоге и в альтернативу. Об этом свидетельствует вся история зрелого человечества во всех ее проявлениях, и чем более высокие формы принимает культура, тем более господствующее положение занимает это противоречие в самые значительные моменты человеческого бодрствования.

Растительно-космическое, судьбоносное по своей сути существование, кровь, пол имеют и сохраняют извечное значение. Это — жизнь. Все остальное лишь служит жизни. Но это «остальное» не хочет быть слугой. Оно хочет господствовать и полагает, что господство принадлежит ему. В этом заключается одна из решающих претензий человеческого духа, стремящегося покорить тело, природу. Возникает вопрос: а не находится ли сама эта претензия на службе жизни? Почему наше мышление думает именно так? Может быть, потому, что этого хочет космическое начало? Мышление доказывает свою силу, называя тело предстанием, демонстрируя ничтожность тела и заставляя замолчать голос крови. Но истинное господство заключается в крови, так как она, не говоря ни слова, может породить и убить мышление. В этом также проявляется различие между говорением и жизнью. Существование может обойтись без бодрствования, жизнь без понимания, но не наоборот. Как бы то ни было, мышление, несмотря ни на что, господствует только в «царстве мыслей».

3

Разница в том, считать ли мышление творением человека или более развитого человека творением мышления, заключается только в словах. Но само мышление постоянно слишком высоко и ложно оценивает свою роль в жизни, потому что не замечает и не признает рядом с собой других видов познания и тем самым лишается беспристрастности. И действительно, все профессиональные мыслители — а ведь практически только они имеют определяющее значение во всех культурах — считали само собой разумеющейся деятельностью холодные абстрактные рассуждения, путем которых можно добраться до «последних вещей». Они так-

же, разумеется, убеждены, что все, чего они достигают на этом пути в качестве «истины», и является самой истиной, к которой они стремились, а вовсе не воображаемым образом, занимающим место непознанных тайн.

Но даже если человек — мыслящее существо, то он все же далек от того, чтобы быть созданием, существование которого заключается в мышлении. Этого не понимали природные мечтатели. Целью мышления является истина. Истины устанавливаются, переходя из живой непознанности зримого мира в форму понятий, чтобы найти свое постоянное место в системе, в своего рода духовном пространстве. Истины абсолютны и вечны, то есть не имеют с жизнью ничего общего.

Но для животного существуют только факты, а не истины. В этом отличие практического понимания от теоретического. Факты и истины отличаются друг от друга, как время от пространства, как судьба от причинности. Факт существует для всего бодрствования в целом на службе существования, а не для одного только аспекта бодрствования, при предполагаемом исключении существования. Подлинной жизни, истории известны только факты. Жизненный опыт и знание людей обращены только к фактам. Человек активный, действующий, обладающий волей, борющийся, вынужденный постоянно утверждать себя вопреки власти фактов, подчиняться им либо подчинять их себе, свысока взирает на голые истины как на что-то несущественное. Для настоящего государственного деятеля существуют только политические факты, а не политические истины. Знаменитый вопрос Пилата — это вопрос человека, признающего только факты.

Одно из величайших достижений Ницше заключается в том, что он поднял проблему ценности истины, знания, науки, что является фривольным богохульством в глазах каждого врожденного мыслителя и ученого, который видит в этом постановку под вопрос смысла своего существования. Если Декарт и хотел во всем усомниться, то уж, конечно, не в ценности своего сомнения.

Но есть разница в том, чтобы задавать вопросы, и в том, чтобы верить в их разрешение. Растение живет, не зная этого. Животное живет и знает об этом. Человек удивляется

своей жизни и задает вопросы. Но ответа на них человек дать не может. Он может лишь верить в правильность своего ответа, и здесь не существует ни малейшего различия между Аристотелем и последним из дикарей.

Зачем нужно разгадывать тайны, отвечать на вопросы? Может быть, причиной всему страх, читаемый уже в глазах ребенка, ужасное наследие бодрствования человека, чье понимание, отделенное от чувств и развивающееся из себя самого, вынуждено проникать в глубины окружающего мира и может найти спасение, только найдя решение? Может ли отчаянная вера в знание избавить от кошмара великих вопросов?

«Das Schaudern ist der Menschheit bestes Teil»². Тот, кому в этом отказано судьбой, вынужден вскрывать тайны, вторгаться в святая святых, разрушать, разлагать на части и нести таким образом свою добычу на алтаре знаний. Стремление к системе — это стремление к убийству живого. Происходит установление, окостенение, сковывание цепью логики. Победа духа наступает тогда, когда он доводит до конца процесс окостенения.

Слова «разум» и «рассудок» используются для того, чтобы различать растительное предчувствие и чувствование, которые всего лишь пользуются языком глаз и слов, и животное понимание, основывающееся на речи. Разум вызывает к жизни идеи, рассудок находит истины. Истины безжизненны, их можно передать, а идеи принадлежат живой самости прародителя, они могут быть только «сопочувствованы». Основой рассудка является критика, а основой разума — творчество. Разум порождает существенное, рассудок же предполагает это. Существует глубокое изречение Бейля, что рассудок достаточен лишь для того, чтобы вскрыть заблуждение, а не для поиска истин. И действительно, понимающая критика используется и развивается на почве связанных с ней чувственных ощущений. Именно на основе суждений органов чувств ребенок учится понимать и различать. Если отделить критику от этой почвы и оставить заниматься самой собой, то ей понадобится дополнение к служащей в качестве объекта деятельности чувств. Это может быть только уже имеющийся образ мышления, на котором развивается абстрактная критика.

Другого, свободного мышления, не основывающегося ни на чем, не бывает.

Задолго до того, как первобытный человек пришел к абстрактному мышлению, он создал себе религиозный образ мира. Это предмет, над которым совершается критическая работа рассудка. Любая наука возникает из религии с учетом всех духовных религиозных предпосылок и представляет собой не что иное, как абстрактное улучшение этого менее абстрактного учения, рассматриваемого в качестве неверного. Каждая наука несет в совокупности своих основных понятий, проблем и методов ядро религии. Каждая найденная рассудком новая истина — это не что иное, как критическое суждение о старой, уже существующей. Именно полярность нового и старого знания приводит к тому, что в мире рассудка имеется лишь относительно правильное, то есть суждения, имеющие несколько большую убедительную силу, чем другие. Критическое знание основывается на вере в превосходство сегодняшнего понимания над вчерашним. И эту веру нам опять-таки навязывает жизнь.

Так может ли критика ответить на великие вопросы или она способна только констатировать их неразрешимость? В начале пути познания мы верим в первое. Чем больше мы узнаем, тем крепче становится наша уверенность во втором. Пока мы можем надеяться, мы называем тайну проблемой.

Таким образом, для бодрствующего человека существует двойственная проблема: проблема бодрствования и проблема существования или проблема пространства и времени, мира как природы и мира как истории, мира напряженности и мира ритма. Бодрствование пытается понять не только само себя, но и нечто другое, чуждое себе. Даже если внутренний голос говорит ему, что здесь уже исчерпаны все возможности познания, страх заставляет любое существо продолжать поиски и предпочитает кажущееся решение взгляду, устремленному в пустоту.

4

Бодрствование состоит из ощущения и понимания, совокупной сущностью которых является непрерывное информирование об отношении к макрокосму. В силу этого бодрствование можно охарактеризовать как установление